



Век вчерашний, год старинный

Выйду и — по бѣрегу
Строки повторяю.
Я минуты берѣгú,
А года теряю.

Начало века двадцатого неотвратимо врывалось в столицу Российской империи телеграфным стрекотом, зуммерами телефонов, клаксонами автомобилей, праздничными зрелищами уже не монгольфьеров, а полноценных дирижаблей, модой на кожаные одежды шоферов... или пилотов аэропланов.

Утренний Петербург... улочки, улицы, проспекты, площади. Где воистину «смешались люди, кони» — замысловатый снующий хаос из всяческих упряжек, понурых и понукаемо-рысящих лошадок: повозки, пролетки, кóнки-трамвайчики.

И признаки технического прогресса: локомобили, бензиновые, газолиновые ландо.

И звуки-звуки — людской гомон, гудки, цокот копыт, свистки.

И запахи-запахи — конские потные, машинные выхлопные, вокзально-паровозные, сдобно-булочные ресторанные.

Дома, особняки, дворцы... такие узнаваемые, и такие незнакомые на придирчивый и пожирающий

взгляд. Не послеблокадная Ленинградская реставрация, а дореволюционно-имперская, исконно Санкт-Петербургская — свежая, натуральная «обертка», отделка, облицовка, покраска: камень-дерево-бумага...

И люди-люди — изысканное вежливые, важные деловые, разночинные простецкие, мужицкие неотесанно-чесночные. Опрятные, неряшливые... всякие.

Усы, усы, бородки, бороды — мужчины... встречные и проходящие: мундиры, пальто, накидки, сюртуки, шляпы, фуражки, картузы, пиджаки, подпоясаны рубахи, да брюки в сапоги.

И дамы, сударыни, словно селедочки-стайки гимназисток: манто, платья, до пят юбки, зонтики и шляпки.

На перекрестках заправски-важные городовые, околоточные, а за чугунными с завитушками воротами классически не без хмельного дыхания дворники.

Блеск фасада с разодетыми господами... и нищая милостыня у церквей.

Дворцы... и ветшалые окраины.

Роскошь и убожество.

В эти уже стылые дни, кутаясь в под стать времени года и вѣка одежды... одежды не всегда практичные, грубоватые, но добротные и... основательные, что ли. И как ведется, непременно выражающие твой статус и положение.

В эти осенние дни Александр Алфеевич Гладков разрешал себе вот так иногда за бременем дел и несвойственной нынешним временам суетой, выйти спозаранку из дома на Ружейной. Либо, проехав в карете

пару-тройку улиц... на набережную ли, на площадь или проспект по выбору, приказав кучеру остановиться, пройтись пешком, впитывая вместе с утренним воздухом дыхание эпохи. На свою оценку и просто в наслаждение, на слух, на ощупь... как, взяв изящно-вычурную позолотой телефонную трубку, услышать на коммутаторе милый незнакомый голос и, подобрев, просить: «Ах, барышня, соедините...».

И слышать-привыкать ко всем этим: «позвольте», «будьте любезны», «премного благодарен», «не извольте сумлеваться». Когда расхожие в быте «бог» и «боже», с прочими «вот те крест», подавались поиному, вкладывая глубинные смыслы.

А еще слышать иногда вслед «чудит барин»... очевидно, совершив очередной хроноляп.

И думалось: «вот все оно ходит, бегаёт, ездит — живое, руками щупать, глазами смотреть, флюиды вдыхать! А все одно нет-нет, да и ловишь себя на мысли: ты на экскурсии в историю и их давно всех нет — умерли!»

А потому и осознаешь окружающее, как еще «не свое», и вроде уже и не «чужое», скорей пока «не принятое», а только терзаемое... головокружительно и бесповоротно.

Неужели бесповоротно?

«Гнать, гнать этих мух из головы, покуда есть задачи. Есть дело... и дела!»

А дела... это толкать прогресс...

Дела — это фабрики, заводы, верфи. Казенные и частные.

Посмотришь — цеха, ангары, стапеля! Вроде бы размах, притязания и... господи, какая же убогость. Если с оценки перспектив и ставленных задач.

Кронштадт, Адмиралтейские верфи, Невские, другие...

Заводы: Обуховский, Путиловский, Ижорский и дальше, дальше...

Инженеры: удивленные увлекшиеся... и зажатые сомневающиеся.

Мастеровые, работяги: рукастые, хваткие... и криворукие. В массе и по отдельности.

Полигоны, испытательные площадки, офицеры, чины — морские, армейские: заносчивые и недоверчивые, снисходительные и упрямые, с гордым «честь имею» и вынужденным (когда им бумажкой царской перед носом) «исполним» или «рад стараться».

В общем... как-то так.

И снова чиновники, чиновники в погонах — а они тут практически все в ранге: важные и спесивые, угодливо-подобострастные, порядочные и радеющие, хваткие и жадные.

Как там говаривал неувыдаемый Ося Бендер: «мы чужие на этом празднике жизни».

В точку!

Или, может, просто мало времени прошло, чтобы нажать друзей?

«А не поздновато ли для вашего возраста, господин Гладков — особо уполномоченный ЕИВ, опекаемый не менее дюжиной тайных агентов “охранки”, не считая открытого сопровождения жандармскими чинами, заводить новых друзей?»

О нет! Если не друзей, то хотя бы уж единомышленников. А достойные люди всегда есть! С любопытством, энтузиазмом, пониманием.

Но врагов-то уж точно теперь наберется. Среди дворцовых прихлебателей, например. И это при всем при том, что сам царь-самодержец тебя-то и не особо жалует! Скорее терпит по необходимости.

А жандармская опека — в ней, несомненно, есть нужда и целесообразность, но людей окружения решительно отпугивает. Вот потому и существуешь в определенной социальной изоляции.

И потому даже сержант-морпех, которого знать не знал на ледоколе, а вот теперь, поди ж ты — «за своего». Хроноземляки!

Контакты с ним (с сержантом, а ныне целым штабс-капитаном Богатыревым) были постоянные, покуда он на полигоне гвардейского корпуса дрессировал свое подразделение. Готовил к обкатке на японцах.

Вот и пер в его учебный центр все, по сути, кустарно-экспериментальные — минометы, ручные гранаты, автоматическую стрелковку, бронежилеты с касками, вплоть до камуфляжки с берцами. И пулеметы флотские на новые облегченные станки переточенные. Да тачанки-растачанки. Все, до чего руки (на скорую руку) и возможности при нынешних промышленных мощностях дотянулись.

По изначальному замыслу морпеха в Петербург отправляли как демонстратора вооружений XXI века. Командир его, лейтенант Волков, выбирал кандидатуру, исходя из необходимых характеристик в столь неоднозначной миссии, учитывая, с какими персонами придется общаться. Но сержант оказался молодцом. Без дури, не переоценивая себя, когда выкристаллизовалась идея сформировать подразделение нового образца, лишь оговорился:

«Я ж взводный, не более! Куда мне ротой командовать? Мне самому еще учиться!»

Однако не отказался. Понимал чертяка, какие перед ним перспективы открывались.

Ну, и вступил в «партию», иначе говоря — окрестился, присягу принял, звание получил, усики отразтил. Все чин чинарем.

Звание получил не без каких-то там известных ранговых сложностей. Но за особым рескриптом императора, чтоб придать вес такому нужному специалисту — сразу в штабс-капитаны!

А учитывая, что его подразделение разрослось от роты практически до полноценного батальона, с приданной артиллерией (тоже, кстати, эксклюзивной доработки), конным и вообще несусветь — автомобильным обеспечением, повышение ему гарантировано.

И солдатиков гоняет так, что только дым коромыслом, по-серьезному, вплоть до двоих погибших на учениях, не считая десятка раненых.

Потери не в заслугу, конечно, но при обкатке нового оружия такое случается неизбежно.

В общем... морпех оказался понятней и родней, нежели кто-то из аборигенов.

Сели как-то с ним на полигоне в палатке, с привозом очередного литья из чугунины — более удачной партии гранат для минометов. Дело было к вечеру — ужин, походному, с бутылкой, да и залили «горькую».

Парень удивил:

— Мне на эту войнушку на Дальний самому надо до зарезу — проверить, чему я их научил. И справлюсь ли?! А еще показать и доказать некоторым тут «мундирам», как работают фланговые пулеметы и... — и мах-

нул рукой, — тут все надо показывать. Не берут они многое просто на веру. Особенно кто чинами повыше. И даже царское распоряжение им не указ. Бьюсь, бьюсь, а толку. Своих-то вымуштровал, офицеров просил помоложе — так и выделили вполне нормальных ребят, неглупых. А вот господа енералы... мать их! Блин! И напиться по-нормальному ни с кем нельзя...

— Отчего же?

— Да меня и так уж достало — постоянно контролируешь себя. А по пьяни тем более боюсь, что болтну чего лишнего — откуда я, и вообще...

Помню, как на ледоколе кто-то мысль выдвигал — валить в Америку и оттуда России помогать. Мы потом в кубрике с парнями даже дообсуждались до корпуса наемников из-за границы. Да и вы ж говорили, что пока на Руси танки, подлодки, самолеты освоят, «запад», как всегда, вперед убежит.

— Ты эти мысли вслух не говори, про «валить в Америку». Тем более что не очень они и умные... мысли эти.

— Да понимаю я. Скушали бы там нас. Всем скопом и по отдельности. Так ведь и тут могут. Насмотрелся на господ полковников-генералов. Словно я на их место мечу или метю. Х-хэ.

— И все одно — не болтай. Болтун находка для...

— Шпиона? — Пьяно оскалился.

— Для «охранки».

И почти синхронно оглянулись... каждый за свое плечо — тонкий брезент военной палатки свободно пропускал все звуки снаружи: топот солдатских ботинок, командные окрики, лошадиное ржание, лязги и стуки амуниции.

А жандармский эскорт Гладкова где-то тут же рядом отирался. И вполне мог «греть уши».

Что характерно, подобная доверительность теперь имела место быть и с еще одним пребывающим в Петербурге «попаданцем».

Точнее «попаданкой» — Богдановой, медичкой, на которую раньше в «атомфлоте» смотрел скорей сурово по-стариковски (хотя вправе ли?).

А ныне встретишь — прям родные!

Да и уж не вертихвостка, а дама, да еще и претендующая на ученые степени в медицине.

Наталья Владимировна в Царском Селе тоже частый гость — мальчика-наследника смотрит. Пересечься с ней не всегда удавалось, но порой, вот так и накоротке, случалось обмолвиться парой фраз.

— Здравствуйте, Наталья. Что там за переполох был в покоях цесаревича?

Глянула из-под ресниц переспелыми вишенками:

— Добрый день, Александр Алфеевич. Да, у малюго, Алексея-наследника, очередное обострение.

— А не пройтись ли нам по аллежке, от ушей лишних? — тут же предложил негромко, взглянув на часы — до назначенной встречи время еще было.

Степенно шли, под ручку даму взяв.

— Так что же там случилось с цесаревичем?

— Ничего фатального. Мальчик больной и абсолютно здоровым никогда не будет. Я делаю все, что могу в доступных медицинских средствах. Иногда случаются рецидивы. А эта... — что-то сугубо нецензурное утонуло в змеином шипении, — простите, стерва взъелась. Она думает, что я всеильна, раз из будущего.

— Тихо, тихо, милейшая, нам ни в коем случае нельзя поддаваться эмоциям и тем более выражать их.

— Проблема в том, что они просто не знают, как оно было бы без квалифицированного медицинского вмешательства. У больного и трети того не наблюдается, что случалось в реальной истории. А для нее любой чих ребенка — это уже катастрофа.

— Ты, Наташенька, дело это не запускай. А то недолго, и до Распутина доживем. Говорили мне, что во дворце уже какой-то юродивый объявился. Очередной целитель?

— Клоака средневековая! Помешанные на мистике, святых, блаженных... экстрасенсы поповские! Право, не знаю, целитель ли? Какой-то пророк-прорицатель. Грязный, нечесаный, ходячая инфекция. Я категорически запретила пускать его в детскую. Косятся теперь уроды, крестятся, за спиной шепчутся. Недавно вообще в спину услышала «нерожуха». Тоже мне — нашли в чем обвинить.

— Чужие мы тут. Хорошо, если позже обживемся. Я хоть и по технической части, а тоже хватает всего этого... я бы сказал, классового непонимания. Дворянчики нас видят насквозь — что кровь не благородная. Народ, как и положено, быдлится. Кто мы для них? — बारे. Средний класс-сословие — сторонится. Но тут понятно — при мне постоянно жандармы. И даже заводчане-инженеры держат дистанцию, хоть и вежливо — по имени отчеству и в рот заглядывают, как водится, преклоняясь перед нашей кажущейся иностранщиной.

— Скажем, и у меня охрана постоянно приставлена, — изобразила глумливую улыбку, — дюжие усачи гвардейцы...

— Ну-ну, — подыграл.

— Не «ну-ну», а «но-но!» Я себе ничего не позволяю. У меня великое медицинское будущее! Но как же мне эти шовинисты-мужланы при академических званиях осточертели. А ведь не блондинка! И спорят, и против прут, борода в клочья, не потому, что не согласны, а просто наперекор. Потому что баба! А раз баба — значит, дура.

— Ну. Не без истины ж...

— Да знаю! Кто ж спорит. Но не в науке ж-ж-ж! — С непередаваемой смесью — огрызнулась, усмехнувшись. Сквозя этим «ж-ж-ж» почти с издевкой, но и... без особого кусачества.

— Так уж все плохо? — Поднял бровь на вполне цветущую женщину, мелькнув мыслью: «да, по здешним меркам бездетная баба-нерожуха “за тридцать”, это даже у дворянчиков моветон».

— Да не так уж, чтоб во всем-с, — смеется глазами-колючками.

— Ох, уж эти ваши дамские штучки. Не забывайте, женское счастье ориентировано на чувства. Медицина медициной, наука наукой, а любовь нечаянно нагрянет...

Промолчала, проведя украдкой взглядом по фигуре собеседника — не в тех отношениях, да и возраст почти отеческий, чтоб упражняться в словоблудстве.

На том и расстались, расходясь по своим делам.

Не оглядываясь, беря: «Появилась, насладила и ушла, оставив приятное послевкусие».

* * *

Помяни черта, он тут как тут! Блаженный дурачок со страждущим лицом выскочил не пойми откуда, кривляясь, брызжа слюной, осеняя себя крестом, ле-

печа на старославянском — едва разобрал про какие-то «беды на Русь-матушку и проклятья на голову пришедшего».

Гладков ускорил шаг, оставив юродивого позади, с укоризной взглянув на двух приставленных жандармов, дескать, «почему не оградили».

Поспешил — император ждет — краем глаза замечая, что сегодня на территории и по периметру как-то уж многовато гвардейцев.

Царь Николай, как всегда, не соответствовал парадным портретам, развешенным на безбрежье российских чиновничьих кабинетов.

Сегодня так и особенно заметно — мешки под глазами, старее, отечней и желтее кожа. За версту несет от усов якобы дорогим благородным табаком... вот уж действительно — пепельница.

Движения немного рассеяны. Поздоровался с гостем. Сел в кресло, предложив легким хозяйским жестом: на столике курево, слегка початая янтарная с рюмашками, в отличие от стереотипа — кусковой черный шоколад к прикусу*.

Только вот нерадостный совсем царь всея Руси, задумчивый, словно гнетущийся, томимый чем-то:

— Я иногда удивляюсь, как вы осторожно присаживаетесь. Не бойтесь — мин нет.

— Что вы, ваше величество. Для меня это музейные экспонаты. В прошлый, хм... далекий раз я здесь бывал на экскурсии, и эти диванчики отгораживала

* Гладков, видимо, ожидал к коньяку так называемую «николашку» — лимон, присыпанный сахарной пудрой и молотым кофе.